
Антикварная лавка
с секретом
Зара Лун
18+

Зара Лун

Антикварная лавка с секретом

«Автор»
2026

Лун З.

Антикварная лавка с секретом / З. Лун — «Автор», 2026

В КНИГЕ ПРИСУТСТВУЮТ СЦЕНЫ КУРЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ. КУРЕНИЕ И ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДЯТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.В прибрежном городе Фостер-Сити, штат Калифорния, пропадают одинокие женщины. Улики? Свидетели? Ничего.Пока полиция пытается разобраться в случившемся, Оливия Назарова — работница антикварной лавки, куда пропавшая Мишель Уилсон заходила в день своего исчезновения, — всё ближе подходит к началу своего собственного расследования. Рядом с Оливией оказываются Энди Филч — новый друг, чьё поведение то раздражает её, то заставляет сомневаться в собственных чувствах, — и Билл Моррис, полицейский, чья личная история связана с происходящим в городе.Пытаясь помочь следствию, Оливия рискует жизнью. Оправдан ли этот риск? Ей придётся научиться отличать заботу от манипуляции, доверие от обмана и не отступать, даже когда опасность подбирается слишком близко.

© Лун З., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Зара Лун
Антикварная лавка с секретом

Глава 1

Звук будильника разорвал утреннюю тишину и вытащил Оливию из сна, в котором она путешествовала по солнечной Испании, вдыхая запах паэльи, доносившийся почти из каждого уголка прекрасного Мадрида. По улицам, вымощенным брусчаткой, гуляли влюблённые пары, а толпы туристов, снующих туда-сюда, проносились мимо, озираясь по сторонам в надежде ухватить взором все достопримечательности этого старинного города. Старая и новая архитектура словно узаконили свои отношения и сосуществовали в гармонии. Город был словно симфония звуков: смех детей, музыка из баров, звон колоколов. Оливия смотрела по сторонам и вдыхала совершенно другой воздух. Только вот пистолет в руках у размытого силуэта, появившегося из ниоткуда, испортил всю картину. Он целился ей прямо в лицо. Нажал на курок.

Этот сон она не забудет. Проснувшись этим утром в холодном поту, она не подозревала, что её привычный мир начнёт рушиться.

Между занавесками пробилось яркое летнее солнце, согревавшее кожу её лица. Она с трудом открыла глаза. Её охрипший утренний голос произнёс:

—Боже, как ярко!

Она подняла руку и попыталась отбиваться от солнечных лучей, которые выжигали ей глаза. Нащупав телефон, она выключила будильник. Оливия была уверена, что этот день не сулит ничего нового. Её жизнь текла гладко и слишком предсказуемо. Небо каждый день казалось серым. Один и тот же маршрут. Ни радости, ни разочарования. Никаких новых эмоций. День за днём — работа. Она занимала большую часть времени. Её жизнь проходила в фоновом режиме уже много лет.

В соседней комнате проснулась её сестра Мия. Её взлохмаченные светлые волосы были разбросаны по подушке, а тёплое одеяло почти полностью свисало с кровати, накрывая только правую ногу. Мия судорожно схватила телефон и начала проверять уведомления. «Новость дня. Миранда рассталась с Оливером. Очень предсказуемо, конечно», — написала ей одноклассница. В новостной ленте Мия увидела сообщение: «Сегодня в Фостер-Сити ожидаются сильные дожди и порывистый ветер». «Малышка, я не видел, что ты писала. Я с друзьями засиделся», — написал её парень.

— Придурок! — сказала она в пустоту, сбрасывая одеяло с ноги и садясь на кровать.

Если бы давали премию за самую захламлённую комнату, она бы точно была в числе победителей. Все стены её комнаты были увешаны плакатами звёзд, полки ломились от всяких побрякушек, а гардеробная напоминала свалку, куда свозят со всей страны вещи на утилизацию. Возле окна стоял мольберт с чистым холстом. Рядом с мольбертом — маленький деревянный столик. На столике — краски, кисти и палитра. Всё чистое и новое. И так уже почти год. Вдохновение исчезло.

Фостер-Сити — прибрежный город в штате Калифорния. Назаровы — семья из четырёх человек. У них есть собака по кличке Купер — маленький бигль, которого подарили им друзья на прошлое Рождество. Его привезли в маленькой коробке с красным бантом. Первым делом, когда его пустили на пол, он пометил любимые тапочки отца семейства и в клочья разгрыз лежавший на полу чехол для телефона. После этого инцидента Мия больше ничего не оставляла на полу.

Семья переехала в Фостер-Сити из России десять лет назад. Артур, отец семейства, — простой рабочий. Он работает на кукурузном поле на окраине города. Обрабатывает их хими-

катами от различных паразитов, которые нещадно губят урожай из года в год. Работа физически очень тяжёлая. Стоит ли говорить, что работа у него не сахар, а платят ему так мало, что мясо они едят не каждый день? Конечно, в поле он работает только летом. В остальное время он работает сторожем на складе электроники.

Мать по имени София — домохозяйка. Это единственное, что можно про неё сказать. В Фостер-Сити нет ни одного бара, в который бы она ходила; в кино она была последний раз в России, и хобби у неё тоже нет. Тошнит её от скуки? Да. Но дома она чувствует себя в безопасности. Она так и не привыкла к Америке, лишь научилась не показывать, как сильно здесь всё было ей чужим. Утром она открывала окно, впуская незнакомые ей запахи, и каждый раз на миг замирала, будто ждала, что ветер принесёт с собой голос родной страны. Она выучила нужные слова, запомнила маршруты, научилась улыбаться продавцам и здороваться с соседями. Даже солнце здесь светило иначе. Иногда она ловила себя на том, что скучает по прежней себе, той, которая знала, куда идти, кому позвонить и как звучит тишина за окном. Новая страна не отвергала её. Она просто не отвечала на её тоску.

Они живут в небольшом двухэтажном доме цвета слоновой кости, с большими белыми витражными окнами. Три спальни, гостиная с камином и крошечная кухня, больше напоминающая кладовку для кухонной утвари. Входная дверь старая и скрипучая. Облупившаяся краска падает с двери вниз и шуршит под ногами. София давно уже хотела её заменить, но бюджет этого не позволяет. Лужайка перед домом всегда выглядит хорошо, ухоженно. София с маниакальной дотошностью ухаживает за ней. Нужно же быть на уровне с соседскими газонами. Старая перечница — так называет София свою соседку — демонстративно поливает свой газон так часто, что влажность на улице составляет 90% благодаря ей. «Пора бы ей дать какую-нибудь награду, чтобы она уже успокоилась», — думала София каждый раз, здороваясь с ней. Вообще София считала, что ей повезло с соседями. Они были тихие, приветливые и могли прийти на помощь, даже если их и не попросят. Иногда даже их доброта была как кость в горле.

Артур соорудил девочкам домик на дереве. Такой домик есть практически у всех соседских детей. Это их логово. Место, где они хранят секреты. Он был сколочен из деревянных дощечек, и вся улица просматривалась через них. Сёстры любили через эту щель рассматривать соседского мальчика, который не задёргивал шторы, когда переодевался. Они подсматривали за ним и хихикали. К домику вела деревянная лестница. Она немного шаткая, с гладкими перилами. На площадке помещались двое, а если потесниться, то трое. Стены из разноцветных досок хранили запах солнца, смолы и свежей стружки. В одном окошке вместо стекла висела занавеска из старого платка, в другом торчал подзорный бинокль. Под крышей болталась жестяная звёздочка, позвякивая на ветру.

Жизнь Назаровых была тихой и спокойной. Они редко ходили в гости и старались всё свободное время проводить дома. Когда они только переехали из России, конечно, им тяжело было адаптироваться. Артур и София практически не знали английского языка, а Оливия и Мия знали его, но на самом простом, базовом уровне. Чтобы подтянуть язык, они часто ездили в местный супермаркет и старались говорить со всеми, кто попадётся им на пути. Сколько же неловких ситуаций было связано с этим!

Оливия вышла из ванной комнаты и начала собираться на работу. Машинально схватила старую застиранную толстовку. Надев её, она пару раз покрутилась у зеркала и поняла, что в последнее время совсем перестала следить за собой. Её лицо казалось усталым и бледным.

Под глазами залегли тени, губы потрескались от холода. Она небрежно провела ладонью по волосам, словно этого было достаточно, и отвернулась от отражения. Полное отсутствие макияжа и старые кеды — её повседневный образ. Она долго искала свои джинсы, но вспомнила, что так и не постирала их накануне. Не найдя ничего подходящего в своём гардеробе,

Оливия решила попросить у сестры её новые джинсы, которые та недавно купила на какой-то суперкрутой распродаже, о которой Оливия даже не слышала.

Оливия ворвалась в комнату сестры без стука, и Мия решила вывалить на неё своё плохое утреннее настроение:

— Оливия! — крикнула Мия, повернувшись к ней.

— Да, это я, — улыбнулась Оливия, позируя в дверном проёме.

— Тебе сложно постучать? Сколько я могу об этом просить?! Почему ты ведёшь себя так, словно я пустое место и ничего не значу в этом доме?

Оливия тяжело и протяжно выдохнула, понимая, что сестра сегодня не в духе и вряд ли у них сложится диалог, после которого они обнимутся и уйдут в закат как лучшие подруги.

— Дай мне свои новые джинсы. Они же широкие? Хочу посмотреть, влезу ли я в них, — сказала Оливия, глядя сверху вниз на свои формы.

— Не нужно вести себя так, будто ты главная в этом доме.

— Мия, у меня нет времени выслушивать твои недовольства. Я на работу опаздываю. Так дашь или нет?

Мия нащупала свои джинсы и вытащила их из горы вещей, которые лежали на полу, словно их единственной задачей было не лежать аккуратной стопкой в шкафу. Она швырнула их в сестру с такой силой, что молния буквально впилась Оливии в подбородок и каким-то чудом не попала ей в глаз.

— Дура! — крикнула Оливия, унося ноги от разъярённой сестры и схватив джинсы, упавшие на пол.

Между сёстрами была такая разница в возрасте, что они словно выросли в разных семьях. Оливия помнила дом ещё тихим. Мия появилась позже — такая шумная, упрямая, уверенная, что всё в этом доме принадлежит ей по праву.

Оливия всегда смотрела на неё с усталой снисходительностью, будто заранее знала, чем закончится любой разговор. Мия отвечала резкостью. Ей невыносимо было чувствовать себя ребёнком рядом с человеком, который давно успел стать взрослым. И всё же, когда они оказывались в одной комнате, между ними возникало странное напряжение. Не близость, но и не равнодушие. Словно обе ждали, что другая первой сделает шаг, и обе были слишком горды, чтобы его сделать.

Оливия работает в антикварной лавке на Чесс Драйв, и ей нравится её работа. Её начальник, Руди Брук, — упитанный ворчливый мужчина преклонного возраста с засаленным брюхом. От него постоянно пахнет дешёвым табаком и дешёвым одеколоном. Оливия обходит его стороной и старается с ним не конфликтовать. Вообще, его пристрастие к дешёвым вещам порой её раздражает.

Когда Оливия устраивалась на работу, он шутливо сказал ей: «Работа твоя — при одном условии: ты будешь учить меня русскому языку». Зачем ему это? Он закоренелый американец, который никогда не выезжал за пределы своей страны. Он не собирался переезжать в Россию. Перед закрытием лавки они уделяли пятнадцать минут занятиям. Конечно, этого катастрофически мало, чтобы овладеть другим языком, но и ему и ей нравились их уроки. Они смеялись от его произношения. Он так коверкал слова, что половину сказанного Оливия вообще не понимала. Больше всего ему нравилась ненормативная лексика. Ее он учил с особым наслаждением.

Лавка снаружи была неприметная. Она пряталась между булочной и закрытым ателье, будто сама не хотела попадаться на глаза. Ступеньки так и сыпались под тяжестью времени. Конечно, не мешало бы отремонтировать их. Внутри было очень мало свободного места, все было заставлено антиквариатом, привезенным из разных уголков мира: огромными вазами, столиками на массивных ножках, стульями, и различными статуэтками. На стенах весели кар-

тины. Очень много картин. С потолка свисал абажур с бахромой, отбрасывая на вещи тёплый, неровный свет. В дальнем углу тикали часы, медленно, с паузами.

Руди однажды рассказал Оливии историю этого дома.

Одна пара муж с женой переехала из Германии в Фостер-Сити в 1970 году. Детей у них не было. Они стали для всех дружелюбными соседями. К ним часто захаживали в гости на чай и их тоже часто приглашали на различные посиделки. Муж устроился работать на автозаправку, а жена была домохозяйкой. Ее гортензии на лужайке приковывали взгляды прохожих. У них была такая идиллия, что им много кто завидовал. Соседки, видя жену в супермаркете, перешептывались, обсуждали ее неуместные нарядные образы несоответствующие тележке с покупками. Но никто не знал, как они на самом деле они страдали из-за отсутствия детей.

Спустя год у мужа начались проблемы с головой. Ему стали мерещиться странные вещи. Однажды ему начало казаться, что его жена беременна. Но, к сожалению, это было не так. Он разговаривал с ее животом будто там есть ребенок. В один из дней пришел домой с упаковкой подгузников и записал ее на узи, чтобы убедиться, что с малышом все в порядке. Ее это начало пугать, и она решила, что нужно поместить его в клинику на лечение. Когда спустя месяц жена приехала навестить его, она ему сказала, что действительно беременна, но об этом она узнала совсем недавно. Разъяренный муж решил, что она ему изменяет. Он сбежал из клиники, ворвался в дом и убил ее, потом поджег дом и сам застрелился. Дом восстановили и выставили на продажу. Жуткая история, конечно. После этого никто не хотел даже рядом находиться с этим домом. Но годы шли и многие про эту историю забыли.

Теплый ветерок порхал по улице. Оливия как обычно прибежала на работу запыхаясь и спотыкаясь об ступеньку на входе. Она никак не могла привыкнуть, что там есть ступенька. Испортила не одну пару туфель из-за нее. Ворчливый начальник, заправляя рубашку в штаны сурово буркнул:

-Позволь поинтересоваться, почему ты позволяешь себе опаздывать?

Его голос был таким командным и величественным будто под его руководством группа солдат, а не молодая девушка на зарплате.

— Простите, мистер Брук. Я переводила бабушку через дорогу, и вдруг ей стало плохо прямо на улице, представляете? — сказала Оливия, поправляя волосы и придавая лицу серьёзное, невозмутимое выражение. — Я ждала, пока приедет скорая.

— Я почти поверил. У тебя каждый день какие-то истории. То бабушка, то кошка. Что будет завтра?

— Ну правда, — улыбнулась она.

— Куплю тебе будильник и повешу на шею. Знаю я, почему ты вечно опаздываешь. По ночам шашни крутишь с мужиками, а утром встать не можешь.

— Ага. Было бы с кем крутить шашни, — вздохнула Оливия.

— Хочешь, чтобы я поверил, что такая красивая девушка одна?

— Мистер Брук, вы единственный мужчина в моей жизни! — Оливия запрокинула голову и громко засмеялась.

Она бросила сумку в кладовку и побежала в торговый зал продавать антиквариат, который пользовался необычной популярностью в этих краях.

Покупателей не было. Ближе к вечеру начала появляться хоть какая-то активность.

— Девушка, можно поинтересоваться? — спросила женщина, которая первой за целый день зашла в лавку.

Она выглядела изысканно. Её седые волосы были собраны в аккуратный пучок. На ней были маленький берет, платье, усыпанное жемчугом, и сумочка, в которую едва ли поместился бы смартфон нового поколения. Туфли на небольших каблучках так и цокали по паркету. Это была шикарная женщина, у которой явно был вкус. На вид ей было лет шестьдесят.

— Да, я вас слушаю, — сказала Оливия, подойдя ближе.

— Очень красивая ваза. Откуда она?

— Она привезена из Марокко. Ей больше ста лет. У этой вазы такая интересная история. Однажды…

— Как интересно. И какая же у неё стоимость? — перебила её нетерпеливая покупательница. Она посмотрела на свои золотые часы, инкрустированные бриллиантами, словно у неё не было ни одной свободной минуты, и она демонстрировала это своим жестом.

Оливия открыла каталог. Все вещи заносились в него вместе с фотографиями и указанием стоимости. Мистер Брук не доверял компьютерам и вообще считал, что каталог — тоже часть антикварной жизни, которая добавляет лавке аутентичности.

— 2500 долларов, мэм.

— Интересная вещица, — произнесла женщина, умело скрывая искреннее удивление. Её левая бровь взлетела так высоко, словно пыталась упорхнуть от своей хозяйки.

— Одна из самых дорогих ваз у нас… — начала объяснять Оливия, но женщина не удостоила её вниманием, скрылась между витринами и через минуту уже вышла из магазина, не попрощавшись.

Когда колокольчик, висевший на двери, затих, а паркет перестал скрипеть, в лавку зашла другая женщина. Она была одета скромнее предыдущей, а взгляд у неё был какой-то потерянный, взволнованный. Она неуверенно зашла и так же неуверенно блуждала между витринами. Оливия следила за её передвижениями. Женщина маленькими шажками слонялась между столами и иногда смотрела в окно. Её тело выдавало неуверенность. Огромные мешковатые вещи скрывали её скованные движения.

Оливия почувствовала, что что-то не так, и решила заговорить с ней.

— Здравствуйте. Могу помочь вам?

Женщина молчала. Она стояла возле деревянной шкатулки, привезённой из Мексики, и внимательно её разглядывала. Её молчание говорило только об одном: она её не услышала.

Оливия подошла ближе и попыталась снова наладить контакт. Женщина отпрыгнула от неё и чуть не свалила всё, что было на полке.

— Вы меня напугали! — выкрикнула она, театрально схватившись за сердце. — Разве можно так подкрадываться?

— Простите. Я не хотела вас напугать, — лёгкая улыбка скользнула по лицу Оливии.

— Я просто смотрю. Просто стою и смотрю. Это запрещено? — неуверенно ответила странная женщина.

Она была очень взволнована и постоянно смотрела в окно. Малейшее её движение напоминало раскалённый провод, который в любую минуту мог ударить током.

— Хорошо. Я дам вам возможность осмотреться. Если что — зовите меня.

Оливия как могла улыбалась. Она привыкла, что в магазин часто заходят просто поглазеть, ведь цены на многие вещи очень высокие. Пока Оливия пыталась понять, что не так с этой женщиной, та уже ушла. Дверь хлопнула с такой силой, что даже мистер Брук выбежал из своей каморки.

— Это кто там так хлопает? Кому счёт выставить за сломанную дверь? —прокричал он, глотая круассан и стряхивая крошки с рубашки.

— Никто ничего не ломал! — крикнула Оливия, закатывая глаза.

Всё это выглядело довольно странно.

Оливия поправляла картины, когда в магазин вошёл высокий молодой короткостриженый парень. Он был одет в тёмно-синий костюм-тройку, белую рубашку и галстук. Запах его одеколона наполнил лавку. Она не могла не заметить дорогой красный автомобиль, который он припарковал у входа.

Он вошёл уверенно. Его походка говорила: «Я победитель. Я чемпион». Ожившая мечта. Он был другой породы. Отныне её глаза смотрели только на него.

— Интересная вещица, — произнёс он приятным басом, осматривая одну из картин.

Он остановился возле картины, на которой была изображена девушка в длинном полупрозрачном белом платье. Её ноги окутывали лианы, а руки были в крови. Вокруг неё не было ни души. Но если присмотреться повнимательнее, можно было разглядеть вдалеке силуэт мужчины, лежащего на боку и тянущего к ней руки, будто он пытался схватить её исчезающий силуэт.

Оливия так засмотрелась на него, что не расслышала, что он сказал, и ей пришлось переспросить:

— Что вы сказали?

Он был молод и красив той безупречной, почти небрежной красотой. Брючный костюм сидел на нём безукоризненно: точная линия плеч, тонкая талия, мягкая складка на рукаве. Дорогая ткань не блестела, а лишь глубоко оттеняла свет, когда он двигался. В его облике не было показной роскоши: только часы с тонким циферблатом, уверенная осанка и спокойствие человека, привыкшего выбирать, а не ждать выбора. Он улыбнулся легко, чуть рассеянно, и в этой улыбке угадывалась уверенность того, кому многое досталось, но кто давно научился считать это чем-то само собой разумеющимся.

— Интересная вещица, говорю, — повторил он, снова не посмотрев на неё и поправляя галстук. — Как зовут художника?

— Элиас Ворн.

— Правда? Элиас Ворн? Вы не шутите? — ухмылялся он —Нет, не слышал.

Оливия рассмеялась.

— Именно этого я и добивался. — произнёс он, шагнув к ней.

— Если эта картина когда-нибудь будет стоить больше, чем картины Пикассо, я о вас не забуду.

— Вы хотите её приобрести? — Оливия «включила» продавца.

— Как вы понимаете эту картину? — спросил незнакомец, скрестив руки на животе и шагнув ближе к картине, словно пытаясь разглядеть кружево на платье девушки.

Оливия тоже подошла ближе.

— Эм… Ну… Так… Я думаю, тут речь о безысходности. Она, судя по её наряду, была чистым невинным дитём, совершившим преступление от безысходности. Её держали взаперти — судя по связанным ногам, — и ей пришлось запачкать руки кровью, чтобы освободиться от него.

Незнакомец смотрел на Оливию очень пристально. Он не отводил от неё взгляда и ловил каждое её слово.

— Знаете, не каждая пленница жаждет свободы. Да, пожалуй, я возьму её.

Оливия уже ничего не понимала, и какие-то потусторонние силы несли её: сначала упаковывать картину, потом оформлять покупку и наконец вручать её новому владельцу. Забирая покупку, они снова встретились взглядами. У него были зелёные глаза. Таких красивых зелёных глаз она никогда не видела.

— Как вас зовут?

— Э-э… Оливия, — сказала она, запинаясь, как первоклассница на первом уроке.

— Красивое имя. У вас интересный акцент.

— Я переехала в Фостер-Сити из России много лет назад.

— Уау. Россия. Мечтаю там побывать. Я слышал, что русские девушки самые красивые. Теперь я в этом убедился.

Неловкая пауза наполнила пространство между ними.

— А вы не хотите спросить, как меня зовут?

— Именно это я и хотела сделать, но вы меня опередили. Так как вас зовут?

Ничего не ответив, парень вышел из магазина с покупкой, сел в свой шикарный автомобиль с лёгкой улыбкой и уехал, оставив её без ответа и с дрожащими руками.

Этот короткий диалог был для неё глотком свежего воздуха. Ей давно не оказывали знаков внимания. Отношений у неё давно не было, и вообще она уже забыла, что такое — быть кому-то интересной.

В конце дня Назаровы собирались за столом и, бурно обсуждая политику, спорт и НЛО, поглощали приготовленные блюда. Отец вернулся домой, когда за окном уже сгустились сумерки. Он не сразу снял пальто. Стоял в прихожей с каплями дождя на плечах и ключами, зажатыми в неподвижной руке. Обычно он первым делом спрашивал, что на ужин. Сегодня лишь молча повесил пальто и долго смотрел на крючок, будто забыл, что ему нужно сделать.

Из кухни доносились голоса. Семья разговаривала о чём-то обычном, домашнем: гремела посуда, кто-то засмеялся. Он прошёл в комнату и сел на край стула. Ладони легли на колени. Взгляд остановился на Софии.

— Привет, папа, — сказала Оливия, увидев его на стуле.

Хоть он и не был её биологическим отцом, она любила его как родного. Она никогда не чувствовала, что Мия дороже ему только потому, что она его родная дочь. Он окружал заботой обеих, а для Оливии был ещё и другом. Он мог делиться с ней своими переживаниями, а она — своими. Для неё он был лучшим мужчиной на свете.

— Нам необходимо покинуть этот дом, — сказал он, не отрывая взгляда от Софии.

На некоторое время воцарилась гробовая тишина. Все переглянулись. Были слышны только тиканье часов, висевших над телевизором, и собственное дыхание. В комнате повисла тяжесть, словно мокрый шерстяной плед. Тишину прервала Оливия.

— Что происходит? — спросила она, застыв с вилкой в руке, на которую были намотаны вкуснейшие спагетти с сыром.

— У нас образовались долги, и выкарабкаться мы сможем, только продав этот дом и купив жильё подешевле и поменьше.

— Куда ещё меньше? — возмутилась Мия, швырнув телефон на стол. Обычно она не выпускала его из рук даже за едой.

— Дорогой, мы же обсуждали это. Ты обещал, что до этого не дойдёт, — напомнила София, наливая мужу крепкий кофе.

— Я сделал всё, что мог, — произнёс отец, сдерживая слёзы, которые подступили от одной только мысли о том, что он подвёл свою семью и отныне ничего не будет как прежде. — Я и так работаю практически без выходных. Эти кукурузные поля мне снятся в кошмарах. От этих химикатов у меня уже руки разъело.

— Это моя вина, — произнесла София с горечью в голосе, медленно опускаясь на стул.

— Перестань! Не говори так, — рассердился Артур.

— Но почему ты раньше не говорил, что есть проблемы? Мы бы придумали что-нибудь. Я бы устроилась на другую работу с зарплатой повыше, — сказала Оливия, крепко обнимая отца.

— Дочка, это всё равно не помогло бы. Долг слишком большой.

Финансовые проблемы начались после болезни Софии. В семье тогда работал только отец, и денег хватало лишь на самое необходимое. Мать неожиданно заболела, и счета за лечение оказались неподъёмными для семьи. Артур взял у местного олигарха в долг 50 000 долларов и обещал вернуть всё, да ещё и с процентами. Но время шло, а он так и не смог отдать долг. Отец «кормил» олигарха обещаниями, но и у того терпение было не вечным.

Как-то, возвращаясь домой, Артур заметил, что за ним следят. Двое молодых, сильных ребят застали его врасплох, как только он свернул на свою улицу. Один схватил его за воротник, второй ударил под дых. Артур скрючился и упал на дорогу.

— Не вернёшь деньги до конца недели — убьём твою семью! — прокричал один, придавливая его голову ботинком.

Рассказав девочкам о финансовых проблемах и увидев их опечаленные лица, он произнёс:

— Простите меня. Я считал, что смогу расплатиться и всё будет как прежде, но нет…

— И когда мы должны переехать? — вдруг очнулась Мия и сделала вид, что ей не всё равно.

— До конца недели.

Повисла тишина. Конечно, никто этого не хотел. Все привыкли к этому дому, к району, к соседям. Всегда сложно покидать обжитый дом, где осталось много приятных и тёплых воспоминаний.

После ужина все разбрелись по своим комнатам. В доме было тихо. Даже Купер не лаял, а молча смотрел в пустой камин и периодически чесал себя за ухом. Ветки деревьев стучали в окна от ветра. Вся семья погрузилась в размышления о будущем.

Оливия сидела на кровати, обложившись мягкими подушками, и принялась обдумывать сказанное отцом. Конечно, она не хотела переезжать. Её удерживала только работа, и она даже думать не хотела о том, что придётся переехать и искать другую. Ей было жаль отца. Его работа подрывала его здоровье. Она понимала, что долг они не смогут вернуть без продажи дома, и уже смирилась с тем, что, скорее всего, так и произойдёт.

Вдруг она вспомнила парня, который сегодня заходил в лавку. Кто он? Раньше она его не видела. Не видела она в городе и его машину. Трудно не запомнить красный «Феррари», проносящийся по узким улочкам маленького городка. Его глаза словно смотрели ей в душу. А его запах… Ей казалось, что каждая вещь в лавке пропиталась его дорогими духами. Так и не узнав его имени, она перебирала в голове варианты: может, его зовут Стэн или Джон? А может, Фрэнк? Она поймала себя на мысли, что богатые и красивые мужчины никогда не оказывали ей внимания. Она никогда не выбирала мужчину по внешности. Это было одним из последних качеств, на которые она обращала внимание. Оливия искала мужчину, похожего на её отца: трудолюбивого, ответственного, доброго и безумно любящего её. Наверняка этот незнакомец больше никогда не появится в её жизни. С такими мыслями она погрузилась в сон.

Прошло три дня с тех пор, как Артур объявил о необходимости переехать. Утром София включила телевизор. День начался с новостного канала. Пока семья просыпалась, она уже успела приготовить вафли, полить цветы и загрузить стиральную машину. По новостям говорили о пропаже женщины. София была так поглощена домашними делами, что даже не удосужилась посмотреть фотографии пропавшей, которые показывали по телевизору. Она была из тех домохозяек, которые крутились как белка в колесе, чтобы семья была накормлена, а вещи — отглажены и аккуратно разложены по шкафам. Советское воспитание всё же давало о себе знать.

Первой спустилась Мия.

— Доброе утро, мам!

— Доброе утро, родная. Как спалось? Ты нашла юбку, которую вчера искала?

— Нет, не нашла, — недовольно ответила Мия, наливая себе сок.

— Ладно, найдём. Поешь вафли, пока горячие.

Оливия уже была собрана. Быстро спускаясь по лестнице, она остановила взгляд на телевизоре, потому что заметила что-то странное. Телевизор бормотал на небольшой громкости.

За ведущим новостей мелькнуло серое утреннее небо, затем на экране появилась фотография женщины.

«Полиция продолжает поиски пропавшей Мишель Уилсон. Последний раз её видели в автосервисе на Чесс Драйв, где меняли колесо на её автомобиле. Работники автосервиса утверждают, что вскоре она вышла на улицу, но за машиной так и не вернулась», — произнёс ровный голос.

— Не может быть!

— Что такое, Оливия? — спросила София, стряхивая муку с фартука.

— Эта женщина недавно была у нас в лавке. Я точно помню. Это она.

София обернулась к телевизору. Нож, которым она нарезала хлеб, выпал у неё из рук и упал на пол. Она тяжело вздохнула и присела на стул.

— Я не верю!

— Мам, ты её знаешь?

— Это моя давняя подруга. Мы с ней давно не общались, но периодически сталкивались то в супермаркете, то в кинотеатре. Она пропала?

— Она недавно заходила к нам в лавку. Я её запомнила. Очень странно себя вела. Мне показалось, что она от кого-то прячется. Я хотела предложить ей помощь, но, стоило мне заговорить с ней, как она тут же убежала. Расскажи о ней. Где она работала? Чем занималась?

— Оливия, пусть этим занимается полиция.

— Но я могу пойти в полицию и рассказать о том случае в лавке.

— Не впутывайся в это! — София стукнула по столу, сверля Оливию взглядом. — Они потом будут тревожить тебя по поводу и без. Сами в состоянии всё выяснить и найти её. Это, в конце концов, их работа! — София разозлилась то ли на Оливию, то ли на ситуацию, но не успела договорить, как Оливия выбежала из дома.

Дверь хлопнула.

София вспомнила их последний разговор с Мишель на выходе из супермаркета. Она хотела быстро загрузить продукты в машину и уехать, пока Мишель её не заметила. Но не успела. Мишель окликнула её, и София не могла сделать вид, что не услышала.

— О, привет, Мишель.

— Привет, София, — сказала она каким-то грустным, тяжёлым голосом. — Как поживаешь?

— Всё прекрасно. Ты как?

— Нормально. Знаешь… я хотела бы… Я могу зайти к тебе на днях?

София не хотела этого. Они давно перестали общаться из-за одного случая. Скорее, из-за недопонимания. У Софии не было желания возобновлять общение.

— Ты знаешь, у меня столько дел. Ни секунды свободного времени. Артур постоянно на работе и не помогает. В общем, дел невпроворот. Как только у меня будет свободный день, я обязательно тебе позвоню. Договорились? — сказала София, вставляя ключ в зажигание.

На лице Мишель отразилась обида. Такая обида обычно остаётся на годы. В ту минуту ей был нужен друг, который выслушал бы её, но она обратилась не к тому человеку. Мишель ушла. София смотрела ей вслед и понимала, что поступила ужасно.

Вспоминая этот разговор, София поняла, что Мишель хотела сказать ей что-то важное и, возможно, это было связано с её пропажей.

История Мишель Уилсон наполнена трагическими событиями. Её детство было тяжёлым. Отец ушёл из семьи, когда ей было одиннадцать лет. Мать начала беспробудно пить и водить домой бесчисленное количество мужчин. Ни один из них не стал для Мишель отцом или хотя бы другом. Она была предоставлена сама себе и очень одинока. Она росла с убеждением, что мужчины только причиняют боль. Вскоре мать умерла от рака, и Мишель стала жить

с бабушкой. Когда Мишель было семнадцать лет, умерла и бабушка. Закончив школу, Мишель устроилась работать в автосервис и помогала владельцу с оформлением документов. Там она и познакомилась с парнем по имени Карлос, который работал механиком. Он был высоким, симпатичным мексиканцем. Он был старше неё на пятнадцать лет, но её это нисколько не смущало.

После работы они часто ходили в бар, пили, танцевали и общались. Мишель думала, что готова к серьёзным отношениям.

Как-то раз, придя на работу, она решила поговорить с Карлосом и предложить ему съехаться. Этими мыслями она поделилась с коллегой. Та и сказала ей, что у него в Мексике есть жена и дети, а с ней он просто развлекается. Мишель не была убита горем, но ей было обидно, что он скрыл от неё правду. Ей было так хорошо с ним.

Однажды она шла с работы. Мимо неё проехала машина и остановилась в нескольких метрах от неё. Стёкла в машине были затонированы, но из неё так никто и не вышел. Она пошла дальше, стараясь не обращать внимания. Эту машину она снова заметила спустя неделю. А когда увидела её в третий раз, испугалась. Она вспомнила историю девушки, пропавшей несколько лет назад. Та поздно ночью шла домой и не дошла — пропала. Никаких улик и свидетелей.

Мишель взяла отпуск на работе, сидела дома и выходила только при крайней необходимости. Ей было страшно. Вдруг и с ней что-то случится? Ей даже не с кем было поделиться своими переживаниями. Набравшись смелости, она решила пойти в полицию и рассказать о своих опасениях. В полицейском участке её внимательно выслушали и отправили домой.

— Может, вам показалось? Всякое может померещиться. Вы пьёте? — спросил офицер, дежуривший в тот день.

Мишель была в тупике. Она ехала домой из полицейского участка через супермаркет, где и встретила Софию, свою давнюю подругу. С ней Мишель хотела поговорить и всё ей рассказать. Изменилось бы что-нибудь, если бы она всё рассказала Софии? Помогла бы та ей? Спрятала бы? Этого мы уже не узнаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.